

## АВТОР ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА КАК СУБЪЕКТ ВЫСКАЗЫВАНИЯ

(на примере «Дневника писателя» Ф.М. Достоевского)

© 2007 В.В. Щурова

Воронежский государственный университет

Подводя итоги первого года издания «Дневника писателя», Ф. М. Достоевский пишет: «Главная цель «Дневника» состояла в том, чтобы по возможности разъяснить идею о нашей национальной духовной самостоятельности и указать ее по возможности в текущих представляющихся фактах <...> Россия сильна народом своим и духом его, а не то что лишь образованием, например, своим просвещением и проч., как в некоторых государствах Европы» [1, 62].

Слова эти помогают более отчетливо выявить пафос «Дневника» и его смысловую доминанту — интерес к духовному состоянию народа. О чем бы ни писал Достоевский — о Восточном вопросе, о месте русской интеллигенции, о конкретной практике отечественных судов, о положении женщины в обществе, о взаимоотношениях отцов и детей — его мысль как стрелка компаса всегда возвращается к главному: к нравственному обеспечению личности.

Этот интерес служит не просто смысловой составляющей всего повествования, но и определяет характер его. В центре внимания читателя оказывается не столько событие, сколько взгляд на это событие самого автора «Дневника». Именно поэтому можно говорить о своеобразной публицистической антропологии «Дневника»: все происходящее Достоевский рассматривает не просто как результат деятельности человека, а как следствие проявлений глубинных свойств его души. Человек как микрокосм — источник разнообразных (подчас — болезненных) противоречий, создающих напряжение в обществе, но такова его неизменная, неотменимая природа, и с этим необходимо считаться.

В неменьшей степени антропология «Дневника» выявляется и личностью самого повествователя. Георгий Гачев, размышляя о жанре «Дневника», пишет, что издание это представляет собой «одновременно исповедь, проповедь, газету и роман» [2, 8], что позволяет говорить о трех составляющих позиции автора «Дневника». Субъ-

ект высказывания здесь одновременно — проповедник, художник, публицист, предлагающий аудитории свои взгляды в форме искренней и публичной исповеди. Каждая из этих составляющих — одно из свойств личности писателя, заметно проявляющихся в повествовании.

Антропологическая доктрина Достоевского в художественном варианте представлена в произведениях писателя — в «Бедных людях», «Двойнике», в «Униженных и оскорбленных», в «Записках из подполья», в «Преступлении и наказании», в «Идиоте», «Бесах», «Подростке», «Братьях Карамазовых». Суть концепции писателя — личностные качества каждого человека определяются не столько обстоятельствами внешнего воздействия, сколько факторами внутренней состоятельности каждого. Эта внутренняя состоятельность обеспечивается в первую очередь уровнем духовной жизни человека. Как своеобразное завещание звучат слова Достоевского, сказанные в речи о Пушкине 8 июня 1880 года, обращенные к современникам: «Смирись, гордый человек <...>, и прежде потрудись на родной ниве <...>, не вне тебя правда, а в тебе самом; найди себя в себе, подчини себя себе, овладей собой — и узришь правду. Не в вещах эта правда, не вне тебя и не за морем где-нибудь, а прежде всего в твоём собственном труде над собою. Победишь себя, усмиришь себя — и станешь свободен как никогда... и начнешь великое дело, и других свободными сделаешь, и узришь счастье, ибо наполнится жизнь твоя, и поймешь наконец народ свой и святую правду его» [3, 139].

Смирение для Достоевского — не покорность перед судьбой, а движение к Богу, постижение его подчинения вере, отказ от эгоистических побуждений. Писатель призывает человека постичь глубину своего внутреннего мира. Смирение не в признании окружающего мира идеальным, не в отказе от борьбы с его недостатками, а в самосовершенствовании. Это самосовершенствование должно начинаться с подавления собственного

самолюбия, с укрощения собственного характера. Не случайно Достоевский так внимателен к судебным процессам, связанным с проступками людей против человечности — покушениями на убийство близких, истязанием детей (дело Кронеберга, дело Корниловой, о которых он пишет в «Дневнике»). Человек — «универс», по мысли Достоевского, вбирает в себя разнообразные качества, он может быть разумен и иррационален, велик и ничтожен. Тут многое (если не все) зависит от способности взглянуть на себя со стороны и попытаться объяснить самому себе происходящее: «Главное, не лгите самому себе», — повторяет старец Зосима в «Братьях Карамазовых», и писателю очень хочется, чтобы этот призыв был услышан. В человеке живет жажда свободы, неискоренимое желание жить, дух нравственной независимости. Эти чувства и следует культивировать.

Однако к государству, именуемому Россией, и к государственным институтам Запада у Достоевского не меньше претензий, чем к конкретным людям. Да и многочисленные характеристики представителей из народа тоже не выглядят однозначными. Показывая двойственность человеческой личности, писатель говорит постоянно о сложности духовного самоконтроля, а не о том, что это задача неразрешима: трудно, но возможно. Для этого нужно лишь вернуться к Богу тем, кто заблудился в просторах жизни.

Можно говорить о некоем наивном оптимизме доверия Достоевского к человеку, но никак — об абсолютной невозможности увидеть человека, добивающегося результатов в собственном нравственном совершенствовании.

Н. А. Бердяев, обращаясь к творчеству Достоевского, заметил: «Достоевский прежде всего великий антрополог <...> Художественная наука... Достоевского исследует человеческую природу в ее бездонности и безграничности <...> Человек существо проблематичное и загадочное. Природа человека антиномична и полярна до самой глубины» [4, 125].

Сказано о прозе писателя, но в равной степени относится и к его публицистике, а в частности, и к «Дневнику писателя». «Через весь «Дневник» Достоевского, — подчеркивает В. Ф. Переверзев, — красной лентой тянется мысль, что вся историческая и социальная жизнь сводится к борьбе двух взаимно исключающих нравственных стихий. Подобно индивидуальностям, народы обладают определенным нравственным складом, определенным характером, и точно так же, как индивидуальные, характеры сводятся к двум типам: кроткому и своевольному <...> Нравственным складом народа определяется вся его историческая судьба и его историческое значение» [5, 630]. Мысль о сведении всего идейного содержания «Дневника»

только к борьбе двух нравственных стихий выглядит чересчур узкой. Во-первых, разнообразие типов у Достоевского шире — помимо «кротких» и «своевольных», художник рассказывает о «двойниках», «мечтателях», «скитальцах». А во-вторых, нельзя не видеть, что, исповедуя особый интерес к изображению «глубины души человеческой», писатель не остается равнодушным и к острейшим социально-политическим проблемам своего времени. (Хотя, разумеется, и их можно сводить к противостоянию двух стихий.)

Перед нами в «Дневнике писателя» открывается не художественное описание страстей человеческих (что характерно для беллетристического творчества Достоевского), а сугубо публицистический анализ состояния конкретного человека. Но существа дела это не меняет. Б. Т. Удодов, размышляя о судьбах русской классической художественной антропологии, обращает внимание на то, что современная общемировая антропология представлена различными ветвями — естественно-этнической, социальной, философской, педагогической, художественной. К этому перечню, видимо, следует добавить и публицистическую антропологию, которая, как и антропология художественная, представляет собой науку «о человеке», о «человеческой природе»... и объединяет в себе прежде всего философскую антропологию и образно-антропологическое постижение сущности, возможности и меру их реализации в отдельном человеке и человечестве в целом» [6, 12].

Разница между художественной и публицистической антропологией не столь значительна, как это может показаться на первый взгляд: в отличие от художника публицист оперирует преимущественно понятийно-образными категориями, опираясь на логику аргументов и систему открыто декларируемых доказательств, апеллируя не только к чувствам, но и к разуму аудитории. Все это определенным образом выстраивает систему взаимоотношений автора с аудиторией (диалог, сориентированный на понимание) и способствует возникновению на страницах текста определенного образа автора.

К тому же публицист более очевидно, чем художник-беллетрист, вписывает свой анализ поступков и характеров реальных действующих лиц в окружающий их мир. В художественных произведениях Достоевского социальное в персонажах отступает, как правило, на второй план, отдавая первенство психологическому состоянию вымышленных героев. В публицистике, где автор имеет дело с документальным воспроизведением события, описание внутреннего мира человека дается как версия автора текста, как догадка, как домысел, опирающийся на факты.

Неслучайно Достоевский широко использует в «Дневнике» форму собственных предположений о том, что думали в те или иные минуты своей жизни невымышленные действующие лица — Корнилова, Кириллова и другие.

И здесь публицист превращается в беллетриста.

Ко времени появления в отечественной периодике выпусков «Дневника писателя» за плечами у Достоевского лежали почти тридцать лет напряженной интеллектуальной жизни, вобравшей в себя и ранний успех на литературном поприще, и годы каторги, солдатчины и ссылки, и возвращение к литературному труду, принесшему всероссийское признание. Есть свои устойчивые представления о том, каким должен быть окружающий мир и человек в этом мире, есть своя аудитория, есть представления о себе как о писателе со своими темами и со своим голосом. Все это помогает понять своеобразие выражения авторской позиции в «Дневнике писателя».

Оригинальность замысла «Дневника писателя» в том, что текст его позволяет, как никакое другое произведение Достоевского, увидеть, услышать и почувствовать авторскую позицию в живом голосе человека, осмысливающего реальность не в форме художественного наития, а в динамике текущей действительности.

Автор в произведении существует, во-первых, как некое реальное биографическое лицо, как творец, демиург, как некий субъект высказывания, существующий (или существовавший) реально; во-вторых, «как некий взгляд на действительность, выражением которого является все произведение» [7, 8], в-третьих, как автор в лирике, отличный от лирического героя; в-четвертых, как образ автора («Образ автора, — замечает В. В. Виноградов, — это концентрированное воплощение сути произведения, объединяющее всю систему речевых структур персонажей в их отношении с повествователем — рассказчиком или рассказчиками и через них являющееся идейно-стилистическим средоточием, фокусом целого») [8, 118]. Иными словами, в данном случае (т. е. в художественных произведениях) читатель имеет дело с так называемым конципированным автором, а не с реальным субъектом высказывания.

В публицистике преобладает, как правило (за исключением очерка, фельетона и — отчасти — эссе) биографический автор, выступающий одновременно и как частное лицо, и как социальный феномен, отражающий не только собственную индивидуальность, но и представляющий интересы определенной группы, определенной части общества.

Даже в так называемой биографической прозе (воспоминания, дневники и прочее) читатель

встречается с субъектом высказывания, который не персонализирован абсолютно, что сказывается на текстопорождающей стратегии произведения — в особенностях языка и стиля, в структуре повествования, в характере разработки конфликтов и характеров, в стилистико-интонационных особенностях повествования. В публицистических текстах автор всегда безусловен — он не только носитель определенной информации и демонстратор конкретной точки зрения, но и реально действующее лицо исторического процесса.

В то же время следует признать, что между автором художественного текста и автором публицистического текста есть принципиальное сходство: и тот, и другой выступают не просто как субъекты высказывания, но и как объекты изучения аудиторией. И в том, и в другом случае автор заявляет о себе как о мыслящей и чувствующей личности, соединяющей вместе и признаки реального лица («Я») и некоего обобщенного субъекта высказывания («Я» не «Я»), которому принадлежит произнесенное слово.

В искусстве — латентно (скрыто), в публицистике — открыто автор предлагает свой взгляд на мир, как повод заинтересоваться и самим субъектом высказывания. Причем в публицистике этот субъект высказывания берет на себя право демонстративно выражать точку зрения определенного множества. В этом заключена диалектика выражения авторской позиции в публицистическом тексте.

Прав В. Г. Белинский, писавший в своем «Взгляде на русскую литературу 1847 года»: «Может ли поэт не отразиться в своем произведении как человек, как характер, как натура, — словом, как личность! Разумеется, нет, потому что сама способность изображать явления действительности без всякого отношения к самому себе — есть опять — таки выражение натуры поэта» [9, 305].

Таким образом, между конципированным автором и автором биографическим нет непреодолимой границы. И в том, и в другом случае мы имеем дело с творческой материализацией сознания, воплощенной в конкретном тексте. Как замечают Н. Т. Рымарь и В. П. Скобелев, «вся реальность произведения может быть рассмотрена как реальность сознания» [10, 104].

Последнее наблюдение представляется чрезвычайно важным, ибо оно позволяет ввести в зону наблюдения, подчеркивают исследователи, вслед за «конципированным автором» и «конципированным читателем», взаимодействующих друг с другом. Нет необходимости говорить, насколько существенно это применительно к «Дневнику писателя»: Достоевскому был важен постоянный поддерживаемый диалог с аудиторией.

Писатель демонстративно открыт для спора,

для дискуссий. Наличие дискуссии — не только подтверждение читаемости издания, но и повод для дальнейшего уточнения собственной позиции, способ реализации своих взглядов на окружающую действительность.

Н. Н. Щетинина пишет: «Ф. М. Достоевский изобретает совершенно новую парадигму публицистического действия, которую можно определить как гуманитарную. Это открытое, от первого лица, интимно-доверительное, равное общение с читателем, актуализирующее в первую очередь непреходящие ценности — добра, милосердия, справедливости. Достоевский не убеждал, не критиковал, не призывал — он беседовал и исповедовался» [11, 171].

Видимо, можно скорректировать высказывание исследовательницы: призывая читателя принять непреходящие ценности, писатель не просто с ним беседовал и исповедовался, он действительно стремился убедить аудиторию в правильности его, Достоевского, позиции. И делал это так же последовательно, как в «Преступлении и наказании», «Идиоте», «Бесах», «Подростке».

Достаточно в данном случае обратиться к комментариям писателя по поводу судебных дел, о которых говорится в «Дневнике».

Правда, обращает на это внимание В. А. Туниманов, «постановка «я» в «Дневнике» принципиально иная — на первом плане всегда мнения и выводы самого Достоевского, а подбор фактов — низший слой в структуре издания, первый опыт которого был осуществлен в «Гражданине» как серия статей фельетонов» [12, 169].

Для Достоевского факт и его комментарий нерасторжимо связаны в «Дневнике писателя». Именно факт служит отправной точкой для размышлений писателя на самые разнообразные темы.

## ЛИТЕРАТУРА

1. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений и писем в 30 т. / Ф. М. Достоевский.

— Л.: Наука, 1981. — Т. 24. — С. 62.

2. Гачев Г. Д. Исповедь, проповедь, газета и роман. (О жанре «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского) / Г. Д. Гачев // Достоевский и мировая культура. — СПб., 1993. — № 1. — Ч. 1. — С. 8.

3. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений и писем в 30 т. / Ф. М. Достоевский. — Л.: Наука, 1981. — Т. 26. — С. 139.

4. Бердяев Н. А. О русских классиках // Н. А. Бердяев. — М.: Высш. школа, 1993. — С. 125.

5. Переверзев В. Ф. У истоков русского реализма / В. Ф. Переверзев. — М., 1989. — С. 630.

6. Удодов Б. Т. Очерки истории русской литературы 1820-1830-х годов. / Б. Т. Удодов. — Воронеж, 2004. — С. 12.

7. Корман Б. О. Изучение текста художественного произведения / Б. О. Корман. — М.: Просвещение, 1972. — С. 8.

8. Виноградов В. В. О теории художественной речи / В. В. Виноградов. — М.: Высш. школа, 1971. — С. 118.

9. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений (в 13 тт.) / В. Г. Белинский. — М.: Академия наук СССР, 1956. — Т. X. — С. 305.

10. Рымарь Н. Т. Теория автора и проблема художественной деятельности / Н. Т. Рымарь, В. П. Скобелев. — Самара — Воронеж: Логос — траст, 1994. — С. 104.

11. Щетинина Н. Н. «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского как публицистическое воплощение «русской идеи» / Н. Н. Щетинина // Средства массовой информации в современном мире: тез. научн.- практ. конф. — СПб, 2001. — С. 171.

12. Туниманов В. А. Публицистика Достоевского. «Дневник писателя» / В. А. Туниманов // Достоевский — художник и мыслитель. — М.: Худ. лит., 1972. — С. 169.

*Рецензент — С. В. Савинков.*

Статья принята к печати 30.07.2007.